НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

1911 г. МАРТЪ №29

СОДЕРЖАНІЕ

А. КУПРИНЪ.—Бѣшеное вино. 3

А. РОСЛАВЛЕВЪ. — Черезполосица 8

А. ЧАПЫГИНЪ.—На Сѣверѣ. 77

ИВАНЪ СТРАННИКЪ. — Тяжелое счастье 83

СТИХОТВОРЕНІЯ: Ал. Бискъ, Л. Василевскаго, Евг. Загорскаго, В. Пахомова . . 1

ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. — Тарасъ Шевченко (1861—1911 г.) . 91

Проф. В. СПЕРАНСКІЙ.—Буддизмъ 100

Прив.-доц. В. ФРИЧЕ. Бласко Ибаньесъ 106

П. БЕРЛИНЪ.—Дворяне и промышленники 114

Э. ПИМЕНОВА.—Изъ иностран. жизни 121

НОВЫЯ КНИГИ 126

СПИСОКЪ КНИГЪ 132

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Репродукціи съ картинъ Фр. Штука на отдѣльныхъ листахъ.

Ц. 25 к., съ перес. и на вокз. ж. д. 35 к. На годъ—2 руб.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ:

СПБ. ФОНТАНКА, 38.

При этомъ номерѣ разсылается журналъ „ВѢСТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ". Лица не получившія благоволятъ обратиться въ редакцію журнала „ВѢСТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ", С.-Петербургъ, Баскова ул., 9. № будетъ высланъ безплатно.

Всѣ затрудненія, которыя ставятъ передъ поэтомъ требованія размѣра и риѳмы, г-жа Д. разрѣшаетъ включеніемъ въ свои стихи одного магическаго слова—«алый». Оно играетъ у Д. ту-же роль, какую у начинающихъ поэтовъ играютъ односложныя—«ужъ», «вотъ», «и», «да» и т. п.

«Алая дрожь», «алое ожиданіе», «алый ключъ», «алая тоска», «алый плескъ», «алость устъ», «алая весна», «алый плющъ»,—въ какія только комбинаціи не вступаетъ излюбленное словцо г-жи Дубновой со всѣми извѣстными существительными, иногда по два, по три раза въ одномъ и томъ же стихотвореніи! Прибавивъ сюда немного «тиховѣйности», «струйности», «сладостныхъ безволій» и «небесныхъ горѣній», г-жа Д. легко получаетъ звучные стихи, которые при снисходительномъ отношеніи къ нимъ могутъ сойти и за поэзію.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. Кн. 3-я Изд. «Шиповникъ». Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣлая пропасть отдѣляетъ третью книгу. Бориса Зайцева отъ перваго сборника его разсказовъ, появившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Какой-то переломъ совершился въ настроеніяхъ талантливаго писателя. Нѣтъ теперь прежней радости жизни, упоенія самымъ процессомъ бытія, меньше лирики и гораздо больше меланхолической грусти, прерывающейся иногда нотами мрачнаго отчаянія.

«Сны», «Заря» и «Жемчугъ»—лучшее изъ того, что помѣщено въ 3-ей книжкѣ.

«Земля». Сборникъ VI. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ открывается «лирической драмой» С. Юшкевича — «Miserere». Недурной разсказчикъ-бытовикъ С. Юшкевичъ выражается здѣсь такимъ языкомъ:

«Юноши и дѣвушки, развѣ вы не чувствуете, какъ здѣсь страшно? Юноши и дѣвушки, праздникъ жизни кончился! Закройте глаза моимъ чернымъ покрываломъ!»

Въ такомъ стилѣ ведется діалогъ на протяженіи всѣхъ 8 картинъ пьесы.

Разговариваютъ юноши и дѣвушки о своей обреченности, о томъ, что въ глазахъ людей «написано: смерть, смерть», о томъ, что жизнь и любовь страшны и непонятны, а въ смерти—единственное убѣжище и покой.

Дѣйствія въ драмѣ нѣтъ, зато много неумѣлаго подражанія Метерлинку. Такимъ образомъ, даже по сравненію съ «Голодомъ» и «Городомъ», новую пьесу Юшкевича приходится признать неудачной.

Послѣ «Miserere» отдыхаешь на разсказѣ А. Кипена «Мга»—такомъ неожиданно-свѣжемъ, оригинальномъ, интересномъ, полномъ движенія.

Сюжетъ—изъ жизни крестьянъ-браконьеровъ.

Далѣе идетъ нудная «Жизнь Игнатія Ильича»—Крашенинникова—пародія дурного тона на «Смерть Ивана Ильича». Заканчивается сборникъ «Гранатовымъ браслетомъ» А. Куприна на тему самоотверженной, героической любьви, «о которой грезятъ женщины и на которую больше не способны мужчины».

XXXIV Сборникъ т-ва «Знаніе». Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1911 г. Ц. 1 р.

Кнутъ Гамсунъ не разъ за послѣднее время возвращается къ одной и той же темѣ. Въ новеллахъ своихъ «Подъ осенними звѣздами» и особенно въ недавней «Странникъ играетъ подъ сурдинку» Гамсунъ элегически рисуетъ, какъ подкрадывается къ человѣку безрадостная старость, принося съ собой хмурые, тусклые дни увяданія.

Этимъ же мотивомъ проникнута и новая пьеса Гамсуна—«У жизни въ лапахъ», напечатанная въ XXXVI-омъ сборникѣ «Знанія». Когда-то гремѣвшая по свѣту артистка и неотразимо обаятельная женщина «Король-Юліана» теперь замужемъ за старымъ, богатымъ буржуа. Въ тридцати пятьсорокъ лѣтъ ея пѣсенка спѣта; все ушло отъ нея: и извѣстность и успѣхи женщины. Послѣдній любовникъ бросаетъ ее и «она падаетъ все ниже и ниже»... Въ драмѣ Гамсуна много подлиннаго трагизма; мастерски завязывается авторомъ драматическій узелъ; событія драмы развертываются энергичнымъ темпомъ.

Въ томъ же сборникѣ напечатаны отрывки изъ дневника неизвѣстнаго намъ автора Н. Каржанскаго подъ общимъ заглавіемъ «Парижъ». Шестьдесятъ два отдѣльныхъ наброска, не одинаковой художественной цѣнности и содержанія, пестрыхъ, какъ впечатлѣнія кипучаго города,—живо рисуютъ и клокочущій водоворотъ Парижа и затерянныя въ немъ фигуры русскихъ эмигрантовъ. Изъ множества отрывковъ лучшіе тѣ, въ которыхъ зарисована авторомъ подлинная жизнь; остальные—разсудочны и манерны.

М. Сивачевъ. Прокрустово Ложе. (Записки литературн. Макара). Собраніе сочин. т. I. Кн-во «Современ. Проблемы». М. 1911 г. Ц. 1 р.

Правдиво разсказанная Одиссея «начинающаго писателя», исторія его неудачъ и разочарованій на тернистомъ пути къ первому успѣху могла бы составить не новую, правда, но содержательную тему записокъ. Безусловно важны при этомъ полная искренность автора и извѣстная глубина его переживаній; далѣе, въ глазахъ читателя,—мытарства «начинающаго» только въ томъ случаѣ являются «незаслуженными», когда имъ подвергается подлинный талантъ.

«Записки литературн. Макара» («Прокрустово Ложе»), принадлежащіе перу М. Сивачева, не отвѣчаютъ этимъ требованіямъ и не даютъ даже увѣренности, что авторъ ихъ даровитый человѣкъ. Болѣе того—приподнятый тонъ этихъ записокъ, ихъ не-

искренность и претенціозность, безграмотность, обнаруживаемая авторомъ «Прокрустова Ложа», производятъ прямо-таки непріятное впечатлѣніе, Встрѣтивъ на своемъ пути шипы и терніи, М. Сивачевъ возложилъ почему-то отвѣтственность за нихъ на «двуличную и порочную» интеллигенцію. Сбиваясь мѣстами въ тонъ дурного пасквиля—самовлюбленный, невѣжественный М. Сивачевъ рѣшилъ, видите-ли, заклеймить «банкротство духа» виднѣйшихъ представителей русской общественности и литературы... Но крупицы литературныхъ способностей М. Сивачева не хватило даже на то, чтобы грамотно разсказать о настойчивыхъ своихъ хожденіяхъ по редакціямъ и переднимъ писателей.

И совсѣмъ ужъ грустно, что изданный томъ записокъ Сивачева обѣщаетъ имѣть печальное продолженіе въ дальнѣйшихъ томахъ.

Эдм. Гонкуръ. Элиза. Ром. Соб. сочин. Э. и Ж. Гонкуровъ. т. I. Вступительн. статья Викт. Гофмана. Кн-во „Сфинксъ". М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Творчество Гонкуровъ настолько значительно и своеобразно—что, какъ замѣчаетъ въ вступительной статьѣ Викт. Гофманъ—цѣнности ихъ произведеній ни мало не умалили протекшія со смерти Гонкуровъ десятилѣтія, и, во всякомъ случаѣ для насъ, Гонкуры не могутъ считаться устарѣвшими.

Романъ «Элиза» написанъ старшимъ изъ братьевъ Эдмондомъ Гонкурромъ. Несмотря на то, что въ разсматриваемомъ романѣ почти нѣтъ діалога, что въ немъ всего лишь одно дѣйствующее лицо—онъ приковываетъ вниманіе съ первыхъ же страницъ. И неудивительно: Э. Гонкуръ мастерски сочетаетъ въ романѣ психологическій анализъ, изысканную точность стиля съ содержательностью и глубиной сюжета. Самая фабула романа—достаточно не сложна: проститутка Элиза въ несомнѣнномъ припадкѣ истеріи убиваетъ своего любовника. Смертный приговоръ осужденной «смягчается» до пожизненнаго тюремнаго заключенія, тяжесть котораго безмѣрно усиливается безчеловѣчной пыткой—системой полнаго молчанія заключенныхъ. Дьявольское изобрѣтеніе въ недолгій срокъ превращаетъ заключенныхъ въ идіотовъ и ходячіе трупы. Романъ Э. Гонкура и подымаетъ краснорѣчивый протестъ противъ безчеловѣчныхъ пытокъ жестокой «исправительной мѣры»...

Дѣльная и обстоятельная статья Викт. Гофмана предпослана роману. Читатель вынесетъ изъ нея знакомство съ творчествомъ и жизнью братьевъ Гонкуровъ.

К. Чуковскій. «О Леонидѣ Андреевѣ». Ц. 50 к. Онъ же «Матерямъ о дѣтскихъ журналахъ». Ц. 60 коп. Спб. 1911 г.

К. Чуковскій говоритъ, что Андреевъ пишетъ плакаты, что его художественный принципъ: «бей по головѣ».

Что касается Андреева, то характеристика г. Чуковскаго представляется спорной.

Она опровергается хотя бы той таблицей сужденій россійской критики о произведеніяхъ Л. Андреева, которую приводитъ г. Чуковскій въ концѣ своей работы.

Хороши, въ самомъ дѣлѣ, плакаты, хороши афиши, если о каждой изъ нихъ не сыщешь двухъ одинаковыхъ мнѣній! Но самого К. Чуковскаго очень легко узнать въ его рецензіи о Л. Андреевѣ:

«Ахъ, онъ лихачъ, молодецъ, засучилъ рукава, засвисталъ, схватилъ помело, и весело, лихо, размашисто, на широчайшихъ какихъ-то заборахъ ляпаетъ, мажетъ малюетъ, и какъ красна у него красная краска, и какъ черна у него черная краска»... К. Чуковскій увѣряетъ, что онъ «въ восторгѣ отъ такого искусства». Что-жъ, въ добрый часъ, если это искренно.

Вторая книжка г. Чуковскаго написана по тому же методу: «бей по головѣ».

Но есть въ ней одна особенность, вообще несвойственная Чуковскому.

У него никогда не чувствуется любви къ тому, о чемъ онъ пишетъ. Въ противоположность напр. Бѣлинскому, собственныя писанія ему гораздо дороже объекта этихъ писаній. Книжка «о дѣтскихъ журналахъ» — одна изъ немногихъ работъ, составляющихъ въ этомъ смыслѣ исключеніе. Это—прекрасная книжка, проникнутая искренней, горячей, огромной любовью къ дѣтямъ, написанная не только съ обычнымъ для Чуковскаго талантомъ, но и съ необычайной сердечностью.

В. Вересаевъ. «Живая жизнь». О Достоевскомъ и Толстомъ. Стр. 212. Ц. 1 р. 25 к. М. 1911.

Послѣ появленія въ печати замѣчательнаго труда о Достоевскомъ и Толстомъ—Д. Мережковскаго противоположеніе этихъ писателей другъ-другу стало почти обычаемъ въ нашей критической литературѣ. Слѣдуетъ этому установившемуся обычаю и В. Вересаевъ.

Къ сожалѣнію, онъ до такой степени усиливаетъ контрасты обоихъ писателей, что отъ Толстого и Достоевскаго остаются однѣ схемы, намѣченныя къ тому же съ понятной односторонностью. «Человѣкъ проклятъ»—вотъ міроощущеніе Достоевскаго. «Да здравствуетъ весь міръ!»—вотъ вѣчный гимнъ души Толстого.

Неудивительно, что внѣ этой схемы остается цѣлый рядъ такихъ героевъ Достоевскаго, какъ Алеша Карамазовъ, Зосима, Соня Мармеладова, кн. Мышкинъ, что въ нее, несмотря на всѣ усилія автора, не укладываются Позднышевъ и нѣкоторые другіе персонажи Толстого.

Впрочемъ, схематичность книги Вересаева имѣетъ и хорошія стороны: характеристики обоихъ писателей пріобрѣли, благодаря ей, наибольшую выпуклость и яркость, и собственныя мысли автора—четкость и опредѣленность.